
СТАТЬИ

АРТЫКУЛЫ

ARTICLES

УДК 94(470)«1720/1770»

СЛУЖБА КАЗАКОВ НА ФОРПОСТАХ СТАРОДУБСКОГО ПОЛКА НА ГРАНИЦЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1720–1770-е гг.)

Е. В. ХРОЛЕНОК

*Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

На основе широкого круга архивных источников в статье раскрывается проблема несения пограничной службы стародубскими казаками на форпостах в 1720–1770-е гг. Привлечение локальных актов позволило проследить процесс организации данной воинской повинности, ее дальнейшей трансформации и ликвидации в связи с утратой регионом пограничного статуса. Отмечается, что важность форпостной службы на заставах Стародубщины осознавало как руководство Запорожского Войска, так и российское

Образец цитирования:

Хроленок, Е. В. Служба казаков на форпостах Стародубского полка на границе Российской империи и Речи Посполитой (1720–1770-е гг.) / Е. В. Хроленок // Граница и пограничье. – 2025. – № 1 (7). – С. 7–27.

For citation:

Khrolenok, E. V. Cossack service at the outposts of the Starodub regiment at the border of the Russian Empire and the Polish-Lithuanian Commonwealth (1720–1770s). *Border and Frontier*. 2025. No. 1 (7). P. 7–27. Russian.

Автор:

Хроленок Евгений Валерьевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета

Author:

Khrolenok Evgeny V. – PhD (history); doctoral student at the Department of Russian History, the Faculty of History of the Belarusian State University; e-mail: khrol83@gmail.com

правительство, поскольку полк имел самую протяженную и хорошо оборудованную систему порубежных укреплений среди субъектов Гетманской Украины. В связи с этим для форпостной службы избирались наиболее боеспособные казаки. Процесс демаркации стародубского участка границы Российской империи с Речью Посполитой натолкнулся на ряд сложностей, связанных с особенностями природного ландшафта, и потребовал привлечения сил всего стародубского казачества. Семилетняя война 1756–1763 гг. показала слабую организованность и боеспособность форпостных команд. В дальнейшем реформы военной службы, проведенные в 1760-х гг. малороссийским генерал-губернатором П. А. Румянцевым, позволили использовать стародубских казаков на пограничных караулах до 1782 г. Актуальность исследованию добавляет то, что граница Стародубского полка и Великого Княжества Литовского сегодня фактически представляет собой участок государственной границы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

Ключевые слова: Стародубский полк, Российская империя, казаки, пограничная служба, Гетманская Украина, локальная история.

СЛУЖБА КАЗАКАЎ НА ФАРПОСТАХ СТАРАДУБСКАГА ПАЛКА НА ГРАІЦЫ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ І РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ (1720–1770-я гг.)

Я. В. ХРАЛЯНОК

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр-т Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На аснове шырокага кола архіўных крыніц у артыкуле раскрываецца праблема нясення пагранічнай службы старадубскімі казакамі на фарпостах у 1720–1770-я гг. Прыцягненне лакальных актаў дало магчымасць прасачыць працэс арганізацыі гэтай воінскай павіннасці, яе далейшай трансфармацыі і ліквідацыі ў сувязі са стратай рэгіёнам пагранічнага статусу. Адзначаецца, што важнасць фарпоснай службы на заставах Старадубшчыны ўсведамляла як кіраўніцтва Запарожскага Войска, так і расійскі ўрад, паколькі полк меў самую працяглую і добра абсталяваную сістэму памежных умацаванняў сярод суб'ектаў Гетманскай Украіны. У сувязі з гэтым для фарпоснай службы абіраліся найбольш баяздольныя казакі. Працэс дэмаркацыі старадубскага ўчастка граніцы Расійскай імперыі з Рэччу Паспалітай сутыкнуўся з шэрагам цяжкасцей, звязаных з асаблівасцямі прыроднага ландшафту, і запатрабаваў прыцягнення сіл усяго старадубскага казачства. Сямігадовая вайна 1756–1763 гг. паказала слабую арганізаванасць і баяздольнасць фарпосных каманд. У далейшым рэформы ваеннай службы, праведзеныя ў 1760-х гг. маларасійскім генерал-губернатарам П. А. Румянцевым, дазволілі выкарыстоўваць старадубскіх казакаў на памежных вартах да 1782 г. Актуальнасць даследаванню дадае тое, што мяжа Старадубскага палка і Вялікага Княства Літоўскага сёння фактычна ўяўляе сабой частак дзяржаўнай граніцы паміж Рэспублікай Беларусь і Расійскай Федэрацыяй.

Ключавыя словы: Старадубскі полк, Расійская імперыя, казакі, пагранічная служба, Гетманская Украіна, лакальная гісторыя.

COSSACK SERVICE AT THE OUTPOST OF THE STARODUB REGIMENT AT THE BORDER OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH (1720–1770s)

E. V. KHROLENOK

*Belarusian State University,
Nezalezhnosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

Based on a wide range of archival sources, the article reveals the problem of border service by the Starodub cossacks at outposts in the 1720–1770s. The involvement of local acts made it possible to trace the process of organizing this military service, its further transformation and liquidation in connection with the loss of the region's border status. It is noted that the importance of outpost service at the outposts of Starodubshchyna was recognized by both the leadership of the Zaporizhian Host and the Russian government, since the regiment had the longest and best-equipped system of border fortifications among the subjects of the Hetmanate of Ukraine. In this regard, the most combat-ready Cossacks were selected for outpost service. The process of demarcating the Starodub section of the border of the Russian Empire with the Polish-Lithuanian Commonwealth encountered a number of difficulties associated with the peculiarities of the natural landscape and required the involvement of the entire Starodub Cossacks. The Seven Years' War of 1756–1763 showed the weak organization and combat capability of the outpost teams. Later, the military service reforms carried out in the 1760s by the Malorussian governor general P. A. Rumyantsev allowed the use of the Starodub Cossacks in border guard until 1782. The relevance of the study is added by the fact that the border of the Starodub regiment and the Grand Duchy of Lithuania today actually represents a section of the state border between the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Keywords: Starodub Regiment, Russian Empire, Cossacks, border service, Hetmanate Ukraine, local history.

Введение

В начале XXI в. предметом научных исследований все чаще становится история пограничных регионов. При этом специфика жизнедеятельности локальных обществ на порубежных территориях по-прежнему остается малоизученной. Это в полной мере относится к исторической Стародубщине – краю, и сегодня расположенному в белорусско-российско-украинском пограничье.

Уникальность данного региона заключается в том, что он на протяжении столетий являлся составной частью нескольких государств (государственных образований) – Великого Княжества Литовского (ВКЛ), Московского Великого Княжества / Русского государства, затем Речи Посполитой, Гетманщины и снова Русского государства / Российской империи. После распада СССР Стародубщина вновь приобрела пограничный статус, при этом некоторые территории бывшего Стародубского

полка оказались в составе трех государств – России, Беларуси и Украины. В каждом из них сложились свои исторические школы, которые выработали собственные подходы к изучению этого региона.

Неотъемлемой частью локальных пограничных обществ является военизированное население, призванное нести службу по охране неустойчивых рубежей. На территории Стародубщины им стало сформировавшееся к середине XVII в. казацкое сословие. К его истории исследователи обращались еще в дореволюционный период [1]. Советская историография также не обошла своим вниманием Стародубщину, однако зачастую освещала события, происходившие в регионе с точки зрения классовой борьбы. При этом важным в контексте исследуемой проблемы видится исследование Е. М. Апанович, посвященное устройству вооруженных сил Запорожского

Войска [2]. С распадом СССР интерес к казачеству в России и Украине многократно возрос. Этим объясняется значительное количество работ, посвященных Стародубскому полку в указанных государствах. Однако данные работы лишь фрагментарно затрагивают такую важную проблему, как несение стародубскими казаками пограничной службы на форпостах своего полка [3]. Ее актуальность обусловлена тем, что сегодня край вновь получил статус порубежного региона, а граница между ВКЛ и Стародубским полком, существовавшая с 1686 по 1772 г., практически идентична современной государственной границе между Российской Федерацией (Брянская область) и Республикой Беларусь (Гомельская и Могилевская области).

Целью статьи является раскрытие проблемы несения пограничной службы стародубскими казаками в 1720–1770-х гг., а также выявление ее особенностей. Достижение указанной цели предполагало решение следующих задач: выявить специфические черты в несении пограничной службы стародубскими казаками в 1720–1750-е гг.; рассмотреть порядок организации и проведения демаркации границы в 1750–1760-х гг.; определить возможности Стародубского полка по усилению охраны границ в период гайдамацких восстаний и Семилетней войны 1756–1763 гг.; раскрыть изменения в порядке несения форпостной службы стародубскими казаками в ходе реформ, проводимых П. А. Румянцевым в 1764–1781 гг.

При написании статьи были использованы различные неопубликованные источники. В связи с частым изменением административно-территориального деления региона источники по его истории оказались на хранении

в архивах разных государств. Источниковую базу представленной работы составляют документы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве в фондах 51 («Генеральная Войсковая канцелярия»), 54 («Вторая Малороссийская коллегия») и 80 («Стародубская полковая канцелярия»). В меньшей степени привлекались документы из архивов Российской Федерации (Российский государственный архив древних актов и Российский государственный архив военно-морского флота). По своему содержанию использованные документы представляют различные донесения офицеров Стародубского полка, указы, жалобы от населения Стародубщины, а также картографические материалы.

Методологическую основу статьи составляют практики новой локальной истории, где объектом исследования выступают региональные общества. Процесс их изучения идет снизу вверх – от индивида к локальным группам, а затем уже к государству. Подобный подход подразумевает глубокую проработку региональных актов, которые в случае со Стародубщиной рассредоточены в различных архивах. Важной частью пограничного исследования также является применение социально-психологического подхода. Он позволяет определить отношение отдельных индивидов, а через них и локальных обществ, к пониманию «своей-чужой» земли – отождествлению ими на различных этапах истории контактной зоны с тем или иным государством, а также идентификации своей этнической принадлежности. Подобная методика позволяет в полной мере реконструировать события, происходившие на исследуемой территории.

■ Основная часть

Стародубщина как пограничный регион. Исследуемый регион приобрел статус пограничного в 1500 г., когда Стародубское княжество, составлявшее на тот момент крупнейший удел, вошло в состав Великого Княжества Московского (ВКМ). Уже с первой половины XVI в. можно говорить о формировании в крае служилого сословия, призванного охранять государственные рубежи. При этом че-

реда военных конфликтов между ВКЛ и ВКМ делали границу на данном участке крайне неустойчивой, и уже это вело к увеличению роли военного сословия в жизни локального общества. В полной мере оно оформилось с включением данной территории в состав Запорожского Войска в 1654 г. и образованием Стародубского полка – военно-административной единицы Гетманской Украины. С этого

времени казачество начинает играть в жизни региона ключевую роль. В руках стародубско-го полковника была сосредоточена вся гражданская, судебная и военная власть в крае. При этом его должность, как и нижестоящие, являлась выборной, хотя на практике на нее назначались по прямому указанию гетмана.

Территориально Стародубский полк был разделен на сотни, которые, в свою очередь, состояли из куреней (рис. 1). Командование ими осуществляли соответственно сотни и куренные атаманы. В мирное время они решали гражданские дела, а во время боевых действий выступали в поход во главе управляемых ими подразделений. Таким образом, они

превращались из руководителей региона в офицеров. На всех трех уровнях существовала во многом повторяющаяся властная структура. Из ее среды уже во второй половине XVII в. выделилась новая элита – казачья старшина. Так, на верхнем уровне руководство регионом осуществляли полковые обозные, хорунжие и есаулы. Идентичные ранги существовали и в каждой сотне. Отдельную группу старшины составляли лица, носившие чины бунчукового, войскового и значкового товарищей, – они не занимали никаких должностей, но являлись первыми кандидатами на них и нередко командировались в походы вместо действительных офицеров.

Рис. 1. Стародубщина во второй половине XVII в. – 1782 г. Картограмма. Автор С. Н. Темушев
Источник: Хроленок, Е. В. Стародубский полк: люди и власть : Эволюция сословной структуры в XVII–XVIII вв. / Е. В. Хроленок ; науч. ред. С. Н. Темушев. – Москва : Квадрига, 2022. – С. 271.

Fig. 1. Starodubshchina in the second half of the 17th century – 1782. Map diagram. Author S. N. Temushev
Source: Khrolenok E. V. Starodubsky Regiment: People and Power: Evolution of the Class Structure in the 17th–18th Centuries. Moscow : Quadriga, 2022. P. 271.

Во второй половине XVII в. Гетманщина хоть и являлась автономией в составе России, однако пыталась продвигать собственные интересы в регионе. Это нередко вызывало пограничные споры, точку в которых поставил «Вечный мир», заключенный в 1686 г. между Речью Посполитой и Россией. В соответствии с его положениями граница между государствами на данном участке прошла по старому рубежу Стародубского повета Смоленского воеводства ВКЛ. Новый украинский гетман Иван Мазепа (1687–1709) также отказался от борьбы за посожские территории, которая стоила булавы его предшественникам. В декабре 1690 г. к нему в Батурин прибыл староста гомельский и пропойский Василий Красинский с просьбой принять управляемые им города с уездами «под руку» российского монарха. Однако Иван Мазепа не стал предпринимать никаких действий, а лишь сообщил об этом царям Петру (1682–1725) и Ивану (1682–1696) Алексеевичам [4, с. 427–430]. Но ответа, вероятно, не получил.

Несмотря на то, что граница на стародубском участке приобрела устойчивые очертания, сведений о ее обустройстве и тем более демаркации в конце XVII – начале XVIII в. обнаружить не удалось. При этом известно, что в 1671 г. межевание границы с Мстиславским воеводством ВКЛ по условиям Андрусовского перемирия 1667 г. по указу гетмана Демьяна Многогрешного (1669–1672) проводил мглинский сотник Иван Берло [5]. Однако этот процесс так и не был завершён в связи с очередным «посожским» конфликтом.

Организация пограничной службы на форпостах Стародубского полка в 1720–1750-е гг. Война с Турцией 1686–1700 гг., а также Северная война 1700–1721 гг. не позволили российскому правительству вернуться к обустройству границы на стародубском участке. В то же время появление форпостов вдоль всего западного рубежа России совпало с началом размещения в конце 1710-х гг. в Гетманской Украине регулярных войск. Предположительно на первоначальном этапе на них и была возложена обязанность как по возведению самих форпостов, так и по их охране. Население же Стародубского полка должно было нести повинности по содержанию войск, расквартированных в регионе. Данное обстоятельство не могло не вызывать конфликтов между местными жителями и армейскими коман-

дирами. Так, в 1725 г. полковые стародубские комиссары Яков Хоминский и Иван Данченко сообщали в Генеральную Войсковую канцелярию о том, что капитан Невского драгунского полка Александр Наумов со своей ротой был командирован в Мглинскую сотню к подполковнику Троицкого полка Фронбису на форпосты. А по возвращении в места квартирования на территории Бакланской сотни начал со всей своей ротой самовольно требовать с населения трех сел фураж на 130 лошадей [6, л. 2].

Точную дату обустройства стародубского участка границы установить не удалось. Однако известно, что в 1720 г. стародубские форпосты на границе уже функционировали. Об этом упоминает староста гомельский и пропойский Николай Красинский в своей жалобе гетману Ивану Скоропадскому (1708–1722) на бунчукового товарища Николая Бороздну [7].

Можно утверждать, что к 1732 г. форпостная служба стародубских казаков уже носила устойчивый характер. Так, карта территории вдоль границы Российской империи и Речи Посполитой, составленная в 1732 г., зафиксировала в полку 64 форпоста, из них 5 уже были «сведены», а вместо них определены новые (рис. 2). Кроме того, документ содержит и сведения о численности караулов и порядке несения пограничной службы [8].

Форпосты располагались на дорогах, переправах и бродах, где переход границы был наиболее упрощен. При этом их нельзя назвать полностью стационарными. Зачастую они переносились с места на место, в том числе из-за погодных условий или по просьбам землевладельцев. Отсутствие демаркации границы вело к многочисленным территориальным спорам между стародубской казацкой старшиной и шляхтой ВКЛ. Например, в сентябре 1756 г. значковый товарищ Савва Янжур рапортовал в Генеральную Войсковую канцелярию о том, что «обыватели польского села Кузьминичи» вывезли принадлежащие жителям пограничного села Лиски двадцать стогов сена [9, л. 2]. И такие происшествия повторялись с определенной долей регулярности.

По состоянию на 1732 г. форпостными командами руководил полковник Веревкин. При этом на северной дистанции 71 казак нес службу совместно с 98 офицерами и драгунами Невского полка. На гомельском направлении на форпостах находился 61 казак, а также 70 офицеров и нижних чинов Троицкого

драгунского полка. Им помогали капрал и 17 солдат Киевского гарнизона [8].

Уже с 1733 г. случаи отправки стародубских казаков на форпосты фиксируются и в документах полковой канцелярии. Для несения сторожевой службы командировались только конные оружейные казаки, что было обусловлено необходимостью участия их в разъездах вдоль всей границы. Зачастую из них к форпостам приписывались те, кто и так жил в порубежных селах [10, л. 157 об.]. Это позволяло в короткий срок проводить ротацию команд, а также гарантировало наличие в отрядах казаков, хорошо знавших местность.

Порядок несения службы стародубскими казаками на пограничных заставах был достаточно подробно регламентирован. Так, в 1739 г. командир форпостных команд сотенный хорунжий Василий Велинский получил инструкцию по «учреждению на тех форпостах всяких добрых порядков» [11, л. 2]. Данный документ обязывал организовывать караулы и «непрестанные» разъезды, чтобы никто из России в Речь Посполитую и обратно скрытно пройти не мог. В случае обнаружения таких нарушителей В. Велинскому предписывалось брать их под «крепкий караул» и рапортовать об этом напрямую стародубскому полковнику.

Также инструкция, действовавшая до середины 1750-х гг., запрещала «чинить обиды» солдатам регулярных войск, находящимся на тех же форпостах [11, л. 1–3]. Указ 1750 г. уточнял, что казаки на заставах были подчинены только своей старшине, а солдаты – офицерам регулярных частей.

Кроме того, издавались и другие инструкции в зависимости от складывающихся обстоятельств. Например, в 1738 г. в связи с началом эпидемии чумы форпосты должны были прекратить пропускать население через границу за исключением купцов с товарами, у которых были специальные пропуска. А указ 1751 г. предписывал исключить вывоз из России серебряной и медной монеты, слитков и посуды [11, л. 1–3].

Несмотря на установленный на законодательном уровне запрет на конфликты между казаками и солдатами, избегать их получалось далеко не всегда. Это было связано с тем, что и те и другие зачастую использовали свое служебное положение в личных целях.

Так, возглавивший в 1753 г. форпостные команды сотник Михаил Старосельский жало-

вался в Генеральную Войсковую канцелярию на офицеров и солдат регулярной армии, находившихся на форпосте Тимошкин Перевоз. Он обвинял их в организации пересечения границы разными людьми, в том числе и не имеющими паспортов, за взятки [11, л. 7–8].

А 20 декабря 1756 г. уже полковник Псковского драгунского полка в своем донесении требовал привлечь к ответственности казаков. Он сообщал, что 1 декабря «состоящий при будке в д. Бовсуны» драгун Федор Петров обнаружил при осмотре границы следы, которые вывели к виннице (винокурне) бовсуновского атамана Филиппа Софонского. Там Ф. Петров усмотрел, что «от той винницы дорога в Польшу проложена весьма большая» [12, л. 2]. Драгун отправился в дом к упомянутому атаману, где застал последнего вместе с дьячком из с. Летяхи. Ф. Петров попытался выяснить, для каких целей была оборудована дорога через границу. Однако те его слушать не стали, а вместо этого избили до полусмерти [12, л. 2–2 об.].

Особенности пограничной службы украинских казаков подробно описаны в работе Е. М. Апанович. Согласно ее исследованиям, форпосты состояли из нескольких сооружений, включавших в себя разного рода помещения, в том числе стайни, конюшни и казармы (рис. 3). Команды, находящиеся на менее оборудованных форпостах, вынуждены были пользоваться инфраструктурой ближайших, более крупных застав. При этом расстояние между заставами составляло от 3 до 12 верст. Основными фортификационными сооружениями являлись редуты (замкнутые или незамкнутые земляные укрепления со рвом и валом, окруженные рогатками и копьями). Иногда редуты состояли из двух заборов, между которыми насыпалась земля. На каждом форпосте на возвышенных местах устанавливались по три маяка. Они представляли собой пирамиду из просмоленных бочек, связанных веревками, либо своего рода охранные вышки, состоящие из больших столбов, обкрученных соломой и пропитанных смолой. В соответствии с указом от февраля 1723 г. сигнальные сооружения возводились высотой «по три сажени триаршинных». Размещались они на расстоянии 15–20 саженей (32–42 м) друг от друга, чтобы не загорать один одного. В случае тревоги маяки поджигались. Когда горел один – это означало, что замечен

Рис. 3. Сторожевая вышка. Художник Ю. Журка. Начало XXI в.

Источник: <https://ilotan136.livejournal.com/317505.html>.

Fig. 3. Watchtower. Artist Yu. Zhurka. Beginning of the 21st century
Source: <https://ilotan136.livejournal.com/317505.html>.

враг, два – неприятель вторгся в пределы государства, три – произошло нападение на сам форпост. В военное время высота маяков увеличивалась до 4–5 сажень (8,5–10,6 м). К ним приставлялся часовой, который в случае тревоги и зажигал их [2, с. 137–138].

Указ императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) предписывал обеспечивать казацкие команды сеном с прилегающих к форпостам угодий. Однако это встретило сопротивление землевладельцев, для которых содержание лошадей на караулах стало дополнительной повинностью. Массовое уклонение от данной обязанности потребовало подтверждения указа в 1745 г. императрицей Елизаветой Петров-

ной (1741–1761). На этот раз распоряжение включало требование к командирам форпостных команд вести подробные ведомости о количестве казаков и их лошадей в караулах, а также объеме заготовленного сена. Но и этот указ выполнялся не всеми землевладельцами. Так, в 1753 г. стародубский полковник Федор Максимович обращался к гетману Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1750–1764) (рис. 4) с жалобой. К ней прилагался реестр, составленный командирами форпостных команд значковыми товарищами Тимофеем и Стефаном Зенченками о землевладельцах, уклоняющихся от исполнения повинности по заготовке сена [13, л. 2–3 об.].

Во время военных конфликтов численность личного состава на форпостах увеличивалась. А в 1737 г. в разгар русско-турецкой войны 1735–1739 гг. командованием было принято решение возложить основное бремя пограничной службы на казаков. В соответствии с ним солдат регулярных частей должно было остаться на форпостах не более 10 % [2, с. 139].

Рис. 4. Портрет Кирилла Григорьевича Разумовского (1728–1803), гетмана Войска Запорожского (1750–1764). Художник Луи Токке. 1758 г. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея (Москва)
Источник: http://www.art-catalog.ru/data_picture_2020/picture/1118/17540.jpg.

Fig. 4. Portrait of Kirill Grigorievich Razumovsky (1728–1803), Hetman of the Zaporizhian Host (1750–1764). Artist Louis Tocquet. 1758. Canvas, oil. State Tretyakov Gallery (Moscow)

Source: http://www.art-catalog.ru/data_picture_2020/picture/1118/17540.jpg.

В связи с этим стародубцы не только охраняли рубежи на территории своего полка, но и командировались на форпосты по Днепру за Киев, а также на Украинскую линию (рис. 5). Последняя представляла собой систему оборонительных сооружений (включая ряд крепостей), построенную в XVIII в. на юге Российской империи для защиты от набегов крымских татар [10, л. 153–154].

Уже после окончания войны, 17 июня 1740 г., Генеральная Войсковая канцелярия издала указ, согласно которому Стародубский полк в дополнение к уже находящимся на Украинской линии 253 стародубцам должен был выслать на форпосты по Днепру 253 «не малолетних и не престарелых, но самых к службе надежных» казаков [14, л. 2]. Поскольку мирный договор с Османской империей уже был заключен и острая необходимость в дальних

командированиях казаков отпала, полковая старшина обратилась к управляющему малороссийскими делами генерал-майору Ивану Афанасьевичу Шипову. К этому времени на форпостах в самом Стародубском полку стояли казаки под командованием значкового товарища Тимофея Зенченка: на 50 караулах – 242 стародубца и на 7 караулах – 28 казаков Нежинского полка. В «доношении» отмечалось, что «в других малороссийских полках, як то в Нежинском, Гадяцком и Прилуцком, таковых форпостов не имеется», а в Киевском и Черниговском хоть и есть, но «столько в тех двух полках форпостных караулов не состоит, сколько в одном Стародубском» [14, л. 2 об.]. Также старшина указывала на то, что полк является самым отдаленным от Днепра и Украинской линии, и поэтому, пока стародубские казаки достигнут назначенных мест, «лошади

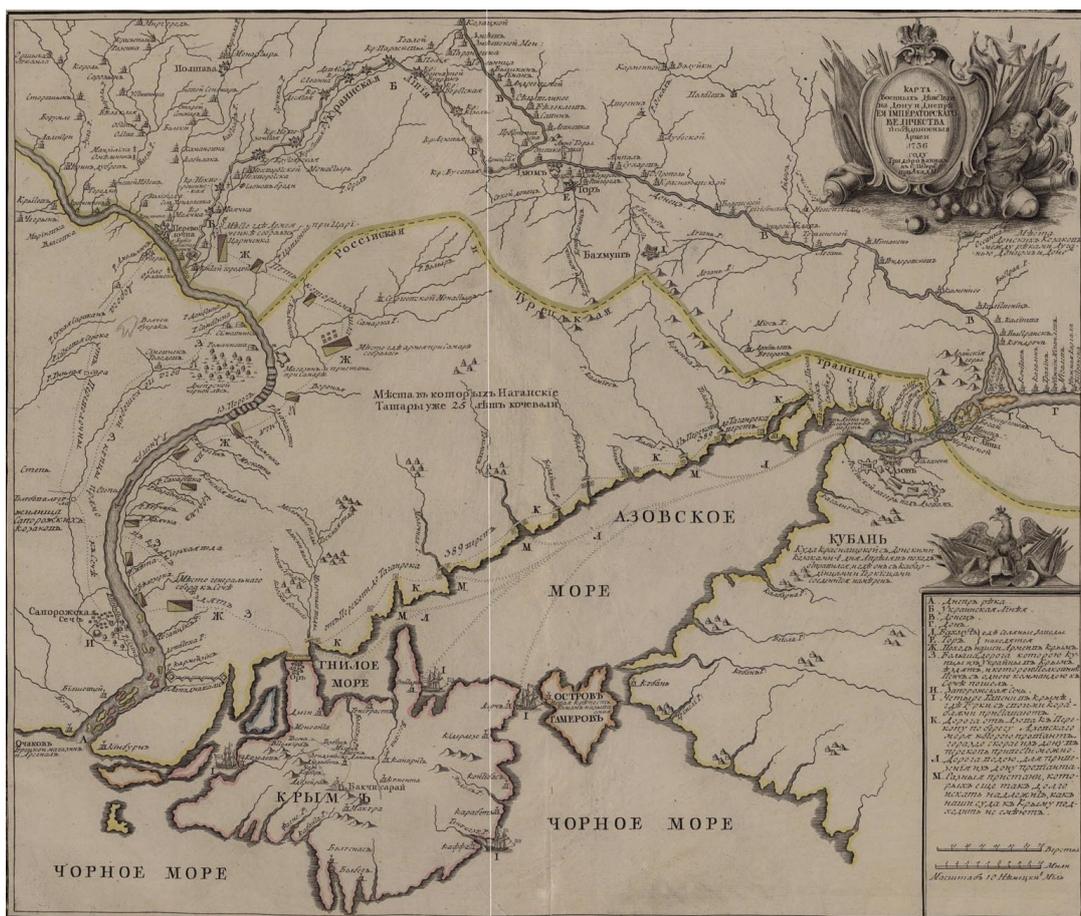

Рис. 5. Карта военных действий на Дону и Днепре ея императорскаго величества победоносныя Армии 1736 году / Гридорованная в С.-Петербурге при Акад. Н. [Санкт-Петербург : Академия наук, 1736]

Источник: РНБ. Виртуальные выставки. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_map/Russia/Russia_Turkey_1686.php.

Fig. 5. Map of military operations on the Don and Dnieper of Her Imperial Majesty's victorious Army in 1736 / Gridded in St. Petersburg under the Acad. N. [St. Petersburg : Academy of Sciences, 1736]

Source: RNB. Virtual exhibitions. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_map/Russia/Russia_Turkey_1686.php.

их весьма утрудятся и в харчах не малое умаление» будет [14, л. 3]. Если же их на Украинскую линию и к Днепру не посылать, то они могут в «своем господстве не малую прибыль получать» [14, л. 3]. На основании вышеизложенного старшина просила отменить решение о высылке стародубцев к Днепру, возвратить уже находящихся на Украинской линии казаков, а также заменить нежинцев, командированных на стародубские форпосты, казаками собственного полка [14].

Просьба старшины, вероятно, была частично удовлетворена. В дальнейшем сведений о командировании стародубских казаков на дальние форпосты в мирное время уже не встречается. Однако указ 1744 г., упорядочивающий сторожевую службу казаков, включил в зону ответственности Стародубского полка и 27 форпостов в пределах Брянского уезда Белгородской губернии. Этот отрезок границы протяженностью в 69 верст получил название Краснозаборской дистанции. В свою очередь, заставы, обустроенные на территории Стародубского полка, были отнесены к Любецкой дистанции, и эта дистанция уже находилась в ведении не только Стародубского, но и Черниговского полка, так как включала территорию обоих [15, л. 3].

Когда в 1748 г. переяславский полковой обозный Семен Безбородко проводил смотр казачьих команд на форпостах Запорожского Войска, то нашел их «в немалом беспорядке». В своем рапорте в Генеральную Войсковую канцелярию он предлагал упорядочить форпостную службу казаков согласно территориальному принципу. Однако из составленной им ведомости видно, что стародубцы и так несли службу только на вверенной им территории: 200 человек – на Любецкой дистанции и 110 – на Краснозаборской. Командование ими осуществлялось сотником и значковым товарищем [15, л. 1, 3].

При этом обязанность по несению службы на форпостах Брянского уезда рассматривалась стародубцами как дополнительное обременение. Изданный в преддверии выборов нового гетмана 4 февраля 1749 г. указ императрицы Елизаветы Петровны породил надежду на освобождение от этой обязанности. Его положения предписывали «не наряжать и не высылать малороссиян ни на какие крепости и ретрашементов починки и работы, не имать с них подвод к перевозке с Украинской линии

артиллерии и прочего, но все то исправлять одними великороссийскими людьми» [1, с. 149].

В 1750 г. в соответствии с орденом гетмана К. Г. Разумовского казачья команда была выведена с Краснозаборской дистанции. Данное решение объяснялось тем, что Брянский уезд не мог находиться в зоне ответственности Стародубского полка, а охрана «великорусских» городов осуществлялась силами только регулярной армии. Для возвращения казаков на краснозаборские форпосты киевский генерал-губернатор Михаил Иванович Леонтьев (рис. 6) 21 февраля 1751 г. добился издания специального указа императрицы [16, л. 6–6 об.].

Рис. 6. Портрет Михаила Ивановича Леонтьева (1672–1752), киевского генерал-губернатора (1741–1752). Неизвестный художник. 1780-е гг. Холст, масло. Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник

Источник: <https://commons.wikimedia.org/>.

Fig. 6. Portrait of Mikhail Ivanovich Leontiev (1672–1752), Governor-General of Kyiv (1741–1752). Unknown artist. 1780s. Oil on canvas. State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve

Source: <https://commons.wikimedia.org/>.

В соответствии с ним (рис. 7) Стародубскому полку предписывалось и впредь осуществлять охрану форпостов в Брянском уезде «ибо те форпосты состоят не внутри великороссийских городов, но по самой польской границе без всякого закрытия. И за неимением на оных форпостах конной команды указанных разъездов и поимки гайдамаков и беглецов и тайнопроходцев чинить некому» [16, л. 6].

Демаркация стародубского участка границы Российской империи в 1750–1760-е гг. Наиболее спокойным периодом в истории Стародубского полка было правление императрицы Елизаветы Петровны. Основной военной обязанностью казаков в это время являлось несение караульной службы на форпостах, их обустройство и организация разъездов вдоль всего вверенного им участка границы.

Продолжительное мирное время в начале 1750-х гг. позволило российскому правительству приступить к демаркации границы. Для этого в 1753 и 1754 гг. были составлены подробные карты приграничных территорий с указанием спорных участков земли от Брянского уезда на севере до Черниговского полка на юге [17, 18].

Источником сведений о принадлежности тех или иных урочищ, полей и лесов стали показания старожилов порубежных сел, «дабы и единой пяди земли российской в Польшу не уступить, а польской в Россию не прихватить» [19, л. 464 об.]. В то же время администрация Стародубского полка к вопросу о розыске таких жителей подошла крайне безответственно. По состоянию на декабрь 1754 г. она направила лишь одно распоряжение по этому поводу в сотенное Топальское правление. Там его исполнение возложили на куренного атамана Василия Филонова. В результате тому удалось найти в порубежных селах Денисковичи, Лиски и Добродеевка девять человек посполитого звания и одного казака, которые могли указать на принадлежность спорных участков. Однако в рапорте бунчукового товарища Василия Гудовича отмечалось, что найденные люди «от польской стороны только в показанных селах, в коих сами жительствоуют, границу знать могут, что есть меньше нежели двадцатая доля имеющейся в Полку Стародубском пограничной дистанции» [19, л. 464].

При этом действия Российской империи по демаркации носили односторонний характер, что не могло не вызывать возмущения урядников ВКЛ. При этом ВКЛ с 1686 г. не предпринимало никаких мер к обустройству границы. Иногда споры переходили в прямое столкновение. Так, весной 1755 г. российские порубежные комиссары были захвачены людьми Михала Кароля Вищинского [3, с. 26]. К лету 1756 г. ситуация на границе осложнилась еще больше: «во многих местах в границе с польским Гомельским староством також

и от прочих польских шляхтичей о землях и о сенных покосах и лесных угодьях споры и нападения на российских подданных оказались, а в некоторых местах засеку сожгли и российских караулов девять человек казаков усиленным образом схвачено и в Польшу увезено, которые и по се время не отданы и содержаться в местечке Гомеле в заточении» [20, л. 2].

Необходимо отметить, что демаркация стародубского участка границы России с Речью Посполитой осложнялась природными условиями. Так, в ноябре 1754 г. инженер-капитан Муравьев из слободы Злынка рапортовал в Киевскую губернскую канцелярию о том, что «он, примечаясь по великой дистанции Стародубского полка и для великих лесов и густых и во многих почти не проходимых мест потребно по его инженера капитана мнению на каждую версту работных людей, чтоб через пять месяцев исполнено было, по 500 человек, которые при той работе безотлучны бы были» [19, л. 472]. Разумеется, таким количеством людей Стародубский полк не располагал. Для решения этой задачи Муравьев предлагал использовать опыт недавно завершеного строительства в Новой Сербии (в 1750-х гг. военно-административная единица в Новороссийском крае Российской империи) и набрать во всех «малороссийских полках» 10 тысяч работников [19, л. 472].

Однако Генеральная Войсковая канцелярия предложение Муравьева во внимание не приняла и ограничилась тем, что возложила обязанность по обустройству границы на пеших казаков – подпомощников Стародубского полка. Данная категория казаков в силу своего тяжелого материального положения не могла нести военную службу, но, по мнению командования, отлично подходила для ремонтных работ. По указу от сентября 1754 г. для проведения работ полковая канцелярия должна была направить на границу 842 казака. Весной 1756 г., когда подготовка к строительным работам была завершена, казацкие отряды выступили на пограничные дистанции. Однако в мае 1756 г. на форпостах трудились лишь 646 стародубских казаков, а в июне – 697. Они делали засеки, ставили рогатки, расчищали дороги, мостили гати и мосты, рубили и очищали лес, возводили новые форпосты. Несмотря на значительно меньшее количество работников, в сравнении с тем, что запрашивал инженер-капитан Муравьев, к июлю 1756 г. засека на

первой дистанции от Брянского уезда уже была завершена [19, л. 308, 348, 337, 378–379].

Постройка новых форпостов в соответствии с требованиями фортификации зачастую вызывала недовольство собственников пограничных земель. Так, в д. Кибирщина, принадлежащей бунчуковому товарищу Стефану Березовскому, новый форпост был возведен в первой половине 1757 г. В результате за форпостом остались не только засеянные поля, но и мельница на р. Палуж. Чтобы избежать конфликта с жителями соседнего с. Бирули Пропойского староства ВКЛ была организована комиссия из казаков Новоместской сотни. Она проводила межевание спорных «грунтов» [21, л. 2–3].

А в 1759 г. вдова генерального судьи Евфросиния Лисенкова обратилась к гетману К. Г. Разумовскому с жалобой, что в ее владении в с. Добродевка Стародубского полка форпост возведен прямо посередине населенного пункта. В итоге земли, находящиеся за форпостом, подвергаются постоянному разорению подданными князя Михаила Чарторыйского – жителями Демьяновской волости. В то же время находящиеся на форпосте драгуны за пропуск требуют с подданных Лисенковой взятки. Дело было передано на рассмотрение Киевской губернской канцелярии. Как сообщал подполковник Псковского драгунского полка Протасов, форпост возведен в Добродевке по указанию инженера, так как из-за природных условий оборудовать его на самой границе невозможно. Факт взяточничества он также отрицал и указывал, что конфликтов между подданными Лисенковой и Чарторыйского не было [22, л. 1, 6–7].

Процесс демаркации стародубского участка границы России с Речью Посполитой до конца не был завершён. Вероятно, его остановила начавшаяся Семилетняя война 1756–1763 гг. Присяжные листы, составленные летом 1762 г. по случаю вступления на престол императрицы Екатерины II (1762–1796), фиксируют работных казаков на форпостах не только Любецкой, но уже и Краснозаборской дистанции [23, л. 4, 9]. В то же время их незначительное количество по сравнению с 1756 г. говорит о том, что процесс демаркации находился на завершающей стадии. При этом карты, составленные в начале 1750-х гг., не учитывали проведенное обустройство рубежей. Для составления новой подробной топографической

карты по границе с ВКЛ от Смоленска до Чернигова в ноябре 1762 г. в Стародуб из действующей армии прибыл инженер-капитан Алексей Шалыгин. Полковая старшина оказывала ему необходимое содействие и даже просила у Генеральной Войсковой канцелярии разрешение выделить инженеру в помощь 10 конных казаков [24, л. 2].

Борьба с гайдамаками и Семилетняя война 1757–1763 гг. Ситуация на границе обострялась во время вооруженных восстаний в 1750–1760-е гг. на территории Правобережной Украины (по условиям «Вечного мира» она оставалась в составе Короны Польской). Данные выступления носили антифеодальный характер. Повстанцы, получившие название «гайдамаков», громили шляхетские имения и захватывали целые города. Широкая поддержка народных масс позволяла им успешно противостоять организованным войскам Речи Посполитой. Одним из крупнейших выступлений стало гайдамацкое восстание 1750 г. Тогда победы повстанцев были настолько впечатляющими, что российское правительство стало опасаться проникновения их отрядов на территорию Левобережья. Для того чтобы исключить такую возможность, были усилены караулы на всех приграничных форпостах Гетманщины. Однако полностью избежать столкновений не удалось.

Так, в конце июня 1750 г. отряд гайдамаков совершил нападение на владение Каменского монастыря в Стародубском полку и вступил в бой с казаками компанейского полка. Для розыска «разбойников» была организована команда стародубцев во главе с полковым есаулом Стефаном Косачем, сотниками Яковом Якимовичем и Михаилом Янжулом. Напав на след гайдамаков у слободы Чуровичи, казаки преследовали их по лесам и болотам до самой границы. Однако между стародубским селом Фоевичи и гомельским селом Юрковичи им удалось скрыться [25, л. 3–4].

В августе 1750 г. нападению подверглись уже владения Марии Есимонтовской и Суражского монастыря, расположенные в Мглинской сотне Стародубского полка. Однако гайдамаки смогли беспрепятственно возвратиться на территорию ВКЛ. Прибывшие на место стародубские казаки во главе с мглинским сотником Лисаневичем схватили лишь одного нарушителя. Им оказался беглый солдат Шлиссельбургского полка. Также была об-

наружена часть вещей, украденных у торговца. В 1751 г. стародубский полковник даже обращался к гетману К. Г. Разумовскому с просьбой организовать пограничную комиссию с представителями администрации Кричевского староства ВКЛ для проведения расследования. Он также требовал выдачи «разбойников» или подтверждения того, что виновные в ВКЛ понесли наказание [25, л. 62–65].

В июле 1762 г. новая группа гайдамаков численностью до 40 человек, вооруженная «огненными ружьями с копьями и большими ножами», осуществила нападение на Ропский стекольный завод и жителей с. Карповичи. Для их поимки Стародубская полковая канцелярия приказала топальскому сотнику Григорию Рубцу собрать команду казаков при одной сотенной старшине [26, л. 6–7]. К сожалению, о результатах деятельности этого отряда дальнейших сведений найти не удалось.

Однако не всегда гайдамакам удавалось уйти безнаказанно. Летом 1757 г. отряд «разбойников» под руководством Ивана Старухина по прозвищу Бургут совершал нападения в Брянском уезде. Затем в Стародубском полку он убил двух человек и занялся разбоем на дороге из Мглина в Почеп. В том же году часть гайдамаков была задержана и помещена в стародубский острог. Однако сам атаман смог бежать. Иван Старухин был пойман только в феврале 1758 г., когда с новыми участниками отряда пытался перейти границу между форпостами Краснозаборской дистанции [27, л. 4–5].

Семилетняя война 1756–1763 гг. стала единственным крупным военным конфликтом за время правления императрицы Елизаветы Петровны. При этом Запорожскому Войску, благодаря заступничеству гетмана К. Г. Разумовского, удалось избежать масштабной вовлеченности в него. В действующую армию командировались лишь небольшие корпуса – до двух тысяч человек. Впрочем, на казаков была возложена обязанность по охране форпостов вдоль Днепра.

В Стародубском полку усиление пограничной стражи началось в октябре 1755 г., когда был собран отряд из 400 выборных казаков (рис. 8) при двух значковых товарищах. Их было приказано разместить по 200 человек напротив каждого староства ВКЛ «на случай нападения поляков». В 1756 г. еще 369 выборных казаков были наряжены в поход в составе пятитысячного корпуса, 48 – в двухтысячную

Рис. 8. Малороссийский выборный казак в XVIII в.

Источник: Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками : в 30 т. / ред. А. В. Висковатов. – Санкт-Петербург : Военная типография, 1842. – Т. 2. – С. 306.

Fig. 8. Malorussian elect Cossack in the 18th century

Source: Viskovatov A. V., edit. Historical description of clothing and weapons of Russian troops, with drawings : in 30 vol. St. Petersburg : Military Printing House, 1842. Vol. 2. P. 306.

команду. Те и другие ожидали отправления в действующую армию при своих селах. Кроме того, 62 казака были командированы на форпосты по Днепру, а 60 находились при досмотре строительства засек на пограничных дистанциях. Таким образом, к концу 1756 г. Стародубский полк практически не располагал свободными силами. А в декабре 1756 г. Генеральная Войсковая канцелярия и вовсе запретила употреблять выборных казаков для внутренних командирований. Для этого предполагалось использовать конных подпомощников. Однако и в них Стародубский полк испытывал недостаток – 842 казака находились в это время на обустройстве границы и столько же готовились к отправке им «на перемену». Кроме того, 437 подпомощников находились на внутренней службе: в караулах, при острогах, полковой и сотенной канцеляриях, при счетных налоговых комиссиях, на курьерской службе [28, л. 5–8].

В декабре 1756 г. стародубская казацкая старшина просила Генеральную Войсковую

канцелярию снять усиление форпостов по границе полка, так как, по ее мнению, нападения неприятеля не случится. Предлагалось оставить на форпостах команду из 200 выборных казаков, а вторые 200 использовать для перемены. В противном случае, «ежели без перемены казаков на форпостах содержать, то по купле они для себя харчей, а паче для лошадей своих фуражу, могут вовсе разориться» [28, л. 7]. Однако эта просьба не была удовлетворена. Более того, на форпосты в 1758 г. было направлено еще 58 казаков. В январе 1757 г. стародубская старшина вновь обратилась в Генеральную Войсковую канцелярию, прося на этот раз распустить по тем же основаниям команду, приготовленную для отправки в пятидесятный корпус. Она была расформирована, однако уже в сентябре 1757 г. последовал новый указ о командировании 389 казаков на форпосты Краснозаборской дистанции. В декабре 1758 г. стародубская старшина сообщала Генеральной Войсковой канцелярии, что переменить форпостные команды на резервные нечем. Многие казаки вынуждены стоять на дистанциях по несколько лет, а другие сменяются «брат братом, свойственник свойственником» [29, л. 5]. Старшина предупреждала, что если не принять мер к облегчению их быта – завести провиант и фураж, то удержать их от побега будет невозможно [29].

В целом пограничная инфраструктура Стародубского полка оказалась не готова к усиленной службе казаков на заставах в военное время. В феврале 1759 г. командир форпостных команд сотник Михаил Губчиц сообщал, что вверенные ему казаки на Краснозаборской дистанции находятся в крайнем упадке «по неимению у тамошних обывателей лошаденных кормов, не только сена, но и соломы» [30, л. 5]. Купить же фураж не представлялось возможным, «от чего лошади в гибель, а иные в крайнюю худобу и к службе негодными приходят». В связи с этим М. Губчиц предлагал переменить находившихся на Краснозаборской дистанции выборных казаков пешими [30, л. 5]. Данное предложение поддержал и сотник Петр Манковский. В своем рапорте он отмечал, что «находящиеся при Лисовском форпосте казаки через долгое время стоят бессменно, от чего же они в неимение харчей претерпевают крайнюю нужду. Лошади же их от бескормицы уже иные и пали, и те казаки остались пешими, да и оставшиеся лошади у

иных казаков за скудностью корма в разезды не годятся» [30, л. 5 об.]. О данных проблемах в 1758 г. подавал рапорт и значковой товарищ Кирилл Данченко. В итоге просьба старшины была частично удовлетворена. К маю 1759 г. половина лошадей стародубских казаков была отпущена, а им самим надлежало нести службу в пешем порядке [30, л. 5–7].

Пограничная служба стародубских казаков в период реформ 1764–1782 гг. Семилетняя война 1756–1763 гг. выявила многочисленные проблемы Запорожского Войска. Их решением занялся назначенный в 1764 г. малороссийским генерал-губернатором граф П. А. Румянцев (рис. 9). В организацию военной службы он внедрил строгие армейские порядки. Поэтому отобранные выборные казаки стали нести службу «беспеременно», по примеру регулярных частей. При этом охрана пограничных форпостов оставалась одной из наиболее важных задач образованного в 1768 г. Стародубского Малороссийского полка.

Рис. 9. Портрет Петра Александровича Румянцева-Задунайского (1725–1796), малороссийского генерал-губернатора (1764–1781). Неизвестный художник. Первая половина 1770-х гг. Холст, масло. Государственный исторический музей (Москва)
Источник: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/109924>.

Fig. 9. Portrait of Pyotr Alexandrovich Rumyantsev-Zadunaisky (1725–1796), Governor-General of Malorussia (1764–1781). Unknown artist. First half of the 1770s. Canvas, oil. State Historical Museum (Moscow)
Source: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/109924>.

Начавшаяся вскоре русско-турецкая война 1768–1774 гг. показала эффективность мер, принятых П. А. Румянцевым. К апрелю 1769 г. из 1028 выборных казаков, составлявших Стародубский Малороссийский полк, 470 были направлены во Вторую армию, а 413 казаков при 6 значковых товарищах – определены «на внутренние дальние командирования», в том числе и на форпосты самого полка [31, л. 238]. К осени 1769 г. их число сократилось до 312 казаков при 4 значковых товарищах [32, л. 8]. С началом 1770 г. число стародубцев на форпостах вновь увеличилось до 457 человек. Вспыхнувшая в том же году эпидемия чумы потребовала еще большего усиления пограничных караулов [33, л. 62; 34, л. 79].

Первый раздел Речи Посполитой (1772) лишил Стародубщину статуса пограничного региона. Однако край еще долгое время сохранял порубежную специфику. Более того, на первоначальном этапе казаки продолжали нести службу на заставах полка. Так, по состоянию на сентябрь 1773 г. на форпостах находилось 478 стародубских казаков [35, л. 6].

С окончанием русско-турецкой войны 1768–1774 гг. необходимость в усиленных караулах отпала. В то же время на присоединенных белорусских землях ситуация оставалась нестабильной. В связи с этим «на закрытие старой границы по Могилевской до Псковской губернии» 10 января 1775 г. был направлен отряд выборных стародубских казаков численностью в 206 человек. Руководил им полковой хорунжий Григорий Савицкий при сотниках Федоре Силевиче и Павле Покорском, а также сотенном хорунжии Поликарпе Сердюкове [36, л. 118]. Эта команда была последней в истории Стародубского полка, которая несла форпостную службу. По состоянию на июнь 1778 г. казаки все еще «беспеременно» находились на пограничных заставах. За эти годы

их состояние и боеспособность значительно снизились: 4 казака умерло, 40 – обнищало и только 97 командование признавало «можнейшими» в несении службы [37, л. 130].

Составленное в 1779–1780 гг. «Описание Новгород-Северского наместничества» раскрывает положение пограничных караулов. Так, форпост у слободы Тимошкин Перевоз уже называется бывшим. При этом дается подробное описание находящейся недалеко от него Вишковской таможне. Она представляла из себя ветхий деревянный дом с двумя покоями. Здесь находился дом цолнера Афанасия Ющенкова и дома, выстроенные для караульного на форпостах офицера и таможенных чинов. К 1779 г. Вишковская таможенная застава состояла в ведении Могилевского наместничества. Через нее из «Малороссии» в «Белоруссию» и обратно проходили только съестные припасы: рожь, сало, соль, простые шубы, воск, пенька и мыло. «Пошлин за то, в рассуждении присоединения той губернии к России никаких не взимается» [38, с. 216–217]. В то же время в слободе Антоновка по-прежнему находилась форпостная команда из трех солдат и трех «малороссийских» казаков [38, с. 236].

В целом реформы, проведенные в Малороссийском генерал-губернаторстве в 1780-х гг., полностью изменили уклад жизни бывшей Гетманщины (1654–1764). Казачья служба в том виде, в котором она существовала во второй половине XVII – первой половине XVIII в., была упразднена. Началось формирование регулярных воинских частей, а форпосты потеряли свою значимость и в 1782 г. были разобраны. При этом Стародубщина еще долгое время сохраняла черты пограничного региона, а российское правительство неоднократно прибегало к помощи местных казаков.

■ Заключение

Таким образом, в 1720–1770-е гг. служба стародубских казаков на форпостах своего полка являлась одной из важнейших форм воинской повинности. К началу 1730-х гг. стародубский участок границы Российской империи с Речью Посполитой был полностью обустроен. На данном этапе здесь полноценно

функционировали 64 форпоста. В дальнейшем пограничной службе уделялось особое внимание. Подробно были регламентированы количество казаков и уровень их снаряжения, четко сформулированы их права и обязанности. При этом Стародубский полк обладал самой протяженной и оборудованной системой

форпостов. Кроме того, он охранял заставы в пределах соседнего Брянского уезда Белгородской губернии.

Отсутствие крупных военных конфликтов в 1750-х гг. позволило провести демаркацию стародубского участка границы. При этом инженеры столкнулись со сложным природным ландшафтом (болота и леса). Данные обстоятельства требовали привлечения дополнительных ресурсов. Впрочем, масштабная работа была проведена силами самих стародубских казаков. При этом выбор местоположения новых форпостов, правильный с инженерной точки зрения, не учитывал интересы собственников земли, чьи владения оказались по другую сторону караулов.

Боеготовность стародубских казаков на форпостах была проверена в 1750–1760-х гг. в период гайдамацких восстаний в Правобережной Украине. Тогда казакам удавалось блокировать попытки незаконного пересечения границы отрядами повстанцев или успешно противостоять им в случае проникновения в Российскую империю. Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. произошло усиление караулов, одновременно продолжались ремонтные работы. Однако в военное время вскрылась неподготовленность пограничной

инфраструктуры и самих казаков Стародубского полка к длительной службе. Сказывалась нехватка казарм для размещения войск и недостаток фуража для лошадей. Все это усугубляло и без того тяжелое экономическое положение казаков, которые под любыми предлогами отказывались от продолжения службы.

В сложившейся ситуации реформа военной службы, проведенная графом П. А. Румянцевым в 1760-е гг., оказалась своевременной и результативной. Казаки были переведены на армейский порядок несения службы. Образованный в 1768 г. Стародубский Малороссийский полк стал боеспособной воинской единицей. При этом охрана границы для стародубских казаков по-прежнему оставалась важнейшей задачей. Для ее выполнения было задействовано не менее половины личного состава полка.

После первого раздела Речи Посполитой стародубцы до конца 1770-х гг. продолжали нести службу на форпостах по старой границе (чем высвобождали регулярные армейские части). Форпостные команды стародубских казаков были распущены в 1782 г. одновременно с упразднением полкового деления в Малороссийском генерал-губернаторстве и ликвидацией самих пограничных караулов.

Список библиографических ссылок

1. Симоновский, П. И. *Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой – Бишенга, латинской – Безольди, французской – Шевалье и рукописей русских, через Бунчуковского товарища Петра Симоновского 1765 года* / П. И. Симонтовский. – Москва : Б. и., 1847. – 8, 15, 9, 17, 1 с.
2. Апанович, О. М. *Збройні сили України першої половини XVIII ст.* / О. М. Апанович. – Київ : Наукова думка, 1969. – 224 с.
3. Васьков, В. *Казацкие Болсуны и болсунские казаки: История деревни Казацкие Болсуны Ветковского района Гомельской области Беларуси: Локал.-ист. исслед.* / В. Васьков. – Москва : Квадрига, 2024. – 320 с.
4. *Листи Івана Мазепи. 1687–1691* / І. Мазепа ; упоряд. та авт. передм. В. Станіславський ; відп. ред. В. А. Смолій ; НАН України, Інститут історії України : в 2 т. – Київ : Ін-т історії України НАНУ, 2002–2010. – Т. 1. – Київ : [б. в.], 2002. – 480 с.
5. *Российский государственный архив древних актов.* – Ф. 124. Малороссийские дела. – Оп. 3. – Д. 216. Письмо мглинского сотника. 10 ноября 1671 г. – 2 л.
6. *Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев (ЦГИАК).* – Ф. 51. Генеральная Войсковая канцелярия. – Оп. 3. – Д. 1667. Дело про запрещение армейским командам с форпостов своевольно собирать порции и рации на территории Стародубского полка. 1725 г. – 6 л.
7. *ЦГИАК.* – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 486. Дело про убийство подданного гомельского старосты Красинского подданными Николая Бороздны и захват жита на форпосте в Стародубском полку. 1720 г. – 6 л.
8. *Российский государственный архив военно-морского флота.* – Ф. 3л. Главное инженерное управление Военного министерства России. – Оп. 23. – Д. 295. Карта территорий вдоль границы России и Польши. 1732 г. – 1 л.
9. *ЦГИАК.* – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 13929. Переписка со Стародубской полковой канцелярией. 1756 г. – 5 л.
10. *ЦГИАК.* – Ф. 80. Стародубская полковая канцелярия. – Оп. 2. – Д. 315. Ревизия Стародубского полка. 1735, 1737 гг. – 1096 л.
11. *ЦГИАК.* – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 11911. Дело про запрет на форпостах Стародубского полка пропускать беспаспортных людей. 1753 г. – 8 л.

12. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 14840. О передаче на рассмотрение Стародубской полковой канцелярии дела об избении атаманом драгуна Псковского полка. 1756 г. – 4 л.
13. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 11518. Дело про отведение сенокосов для заготовки сена для коней около форпостов Стародубского полка. 1753 г. – 13 л.
14. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 7846. Донесения Стародубской полковой канцелярии. 1740 г. – 5 л.
15. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 9373. Дело про реорганизацию укомплектования приграничных форпостов казаками Левобережной Украины. 1748 г. – 10 л.
16. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 10809. Дело о требовании выслать на брянские форпосты команду казаков Стародубского полка. 1751 г. – 9 л.
17. ЦГИАК. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 13. План спорных земельных участков между Стародубским полком и Польшей. 1753 г. – 1 л.
18. ЦГИАК. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 15. План границ между Стародубским полком и Польшей. 1754 г. – 1 л.
19. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 12383. Дело про ремонт приграничных засек. 1754–1763 гг. – 498 л.
20. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 14298. Дело о высылке команды казаков на форпосты. 1756 г. – 7 л.
21. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 14100. Донесения Стародубской полковой канцелярии. 1758 г. – 5 л.
22. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 16194. Дело о перенесении форпоста из села Добродеевки Стародубского полка. 1759 г. – 7 л.
23. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 17216. Материалы про принятие присяги императрице Екатерине II казаками Стародубского полка на форпостах. 1762 г. – 15 л.
24. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 17382. Дело о назначении казаков Стародубского полка в помощь инженеру-капитану Алексею Шмалыгину. 1762 г. – 4 л.
25. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 10303. Дело о нападениях гайдамаков. 1750–1759 гг. – 135 л.
26. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 17050. Дело про розыск гайдамацкого отряда. 1762 г. – 8 л.
27. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 15188. Дело про нападения гайдамацкого отряда в Стародубском полку. 1758 г. – 11 л.
28. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 14705. Дело про возвращение с приграничных форпостов команды стародубских казаков. 1756–1757 гг. – 9 л.
29. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 14511. Дело о запрете роспуска команды стародубских казаков. 1756–1758 гг. – 6 л.
30. ЦГИАК. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 15109. Дело про замену казаков на форпостах Стародубского полка. 1758–1759 гг. – 7 л.
31. ЦГИАК. – Ф. 54. Вторая Малороссийская коллегия. – Оп. 3. – Д. 3459. Именные списки казаков и старшин полков Украины, находящихся на службе в армии. 1769–1770 гг. – 431 л.
32. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 3. – Д. 3421. Табели о личном составе полков. 1769 г. – 22 л.
33. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 3. – Д. 5116. Табели о личном составе полков. 1770 г. – 64 л.
34. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 3. – Д. 5516. О караулах на границах Стародубского полка. 1771 г. – 533 л.
35. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 3. – Д. 7808. Рапорт о казаках Стародубского полка. 1773 г. – 14 л.
36. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 3. – Д. 10755. Именные ведомости о личном составе полков. 1777 г. – 214 л.
37. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 3. – Д. 11199. Ведомости о службе казаков. 1770 г. – 346 л.
38. *Опис Новгородсіверського намісництва (1779–1781) / Всеукр. акад. наук, Археогр. коміс. ; ред. П. К. Федоренка. – Київ : Всеукр. акад. наук, 1931. – XXI, 592 с.*

References

1. Simonovsky P. I. *Kratkoye opisaniye o kozatskom malorossiyskom narode i o voyennykh yego delakh, sobrannoye iz raznykh istoriy inostrannykh, nemetskoj – Bishenga, latinskoj – Bezol'di, frantsuzskoy – Sheval'ye i rukopisey russkikh, cherez Bunchukovogo tovarishcha Petra Simonovskogo 1765 goda* [A brief description of the Cossack Malorussain people and their military affairs, collected from various foreign histories, German – Bisheng, Latin – Bezoldi, French – Chevalier and Russian manuscripts, through Bunchuk comrade Pyotr Simonovsky 1765]. Moskow : without a publisher, 1847. 8, 15, 9, 77, 1 p. Russian.
2. Apanovych O. M. *Zbroyni syly Ukrainy pershoyi polovyny XVIII st.* [Armed forces of Ukraine of the first half of the 18th century]. Kyiv : Naukova dumka, 1969. 224 p. Ukrainian.
3. Vas'kov V. *Kazatskiye Bolsuny i bolsunskiy kazaki: Istoriya derevni Kazatskiye Bolsuny Vetkovskogo rayona Gomel'skoy oblasti Belarusi: Lokal.-ist. Issled* [Cossack Bolsuny and Bolsun Cossacks: History of the village of Cossack Bolsuny, Vetka district, Gomel region, Belarus: Local.-histor. research]. Moskow : Kvadriga, 2024. 320 p. Russian.
4. Mazepa I., Stanislav's'kyu V., compl.; Smoliy V. A., edit. *Lysty Ivana Mazepy. 1687–1691: v 2 t.* [Letters of Ivan Mazepa. 1687–1691 : in 2 vol.]. Kyiv : Instytut istoriyi Ukrainy NANU, 2002–2010. T. 1. Kyiv, 2002. 480 p. Ukrainian.
5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 124. Malorussian affairs. Invent 1. Case 216. Letter from the Mglin centurion. 10.11.1671. 2 sh. Russian.
6. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. General Military Chancellery. Inv. 3. Case 1667. The case of the prohibition of army teams from outposts to arbitrarily collect portions and rations on the territory of the Starodubsk regiment. 1725. 6 sh. Russian.
7. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 486. The case of the murder of the Gomel elder Krasinsky by the subjects of Nikolai Borozdny and the seizure of grain at the outpost in the Starodub regiment. 1720. 6 sh. Russian.

8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voyenno-morskogo flota* [Russian State Archives of the Navy]. F. 3l. Main Engineering Directorate of the Military Ministry of Russia. Inv. 23. Case 295. Map of the territories along the border of Russia and Poland. 1732. 1 sh. Russian.
9. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 13929. Correspondence with the Starodub regimental chancellery. 1756. 5 sh. Russian.
10. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 80. Starodub regimental office. Inv. 2. Case 315. Revision of the Starodub Regiment. 1735, 1737. 1096 sh. Russian.
11. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 11911. The case of the ban on allowing people without passports to pass through the outposts of the Starodub Regiment. 1753. 8 sh. Russian.
12. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 14840. On the transfer for consideration by the Starodub regimental chancellery of the case of the beating of a dragoon of the Pskov regiment by the ataman. 1756. 4 sh. Russian.
13. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 11518. The case of allocating hayfields for harvesting hay for horses near the outposts of the Starodub regiment. 1753. 13 sh. Russian.
14. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 7846. Reports of the Starodub regimental chancellery. 1740. 5 sh. Russian.
15. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 9373. The case of the reorganization of the staffing of border outposts by Cossacks of Left-bank Ukraine. 1748. 10 sh. Russian.
16. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 10809. The case of the demand to send a team of Cossacks from the Starodub regiment to the Bryansk outposts. 1751. 9 sh. Russian.
17. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 80. Inv. 1. Case 13. Map of disputed land areas between the Starodub Regiment and Poland. 1753. 1 sh. Russian.
18. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 80. Inv. 1. Case 15. Map of the borders between the Starodub Regiment and Poland. 1754. 1 sh. Russian.
19. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 12383. The case of repairing border barriers. 1754–1763. 498 sh. Russian.
20. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 14298. The case of sending a team of Cossacks to outposts. 1756. 7 sh. Russian.
21. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 14100. Reports of the Starodub regimental chancellery. 1758. 5 sh. Russian.
22. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 16194. The case of moving the outpost from the village of Dobrodeevka of the Starodub regiment. 1759. 7 sh. Russian.
23. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 17216. Materials on the taking of the oath to Empress Catherine II by the Cossacks of the Starodub Regiment at the outposts. 1762. 15 sh. Russian.
24. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 17382. The case of the appointment of the Cossacks of the Starodub Regiment to assist the engineer-captain Alexei Shmalygin. 1762. 4 sh. Russian.
25. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 10303. The case of the Haidamak attacks. 1750–1759. 135 sh. Russian.
26. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 17050. The case of the search for the Haidamak detachment. 1762. 8 sh. Russian.
27. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 15188. The case of the attacks of the Gaidamak detachment in the Starodubsky regiment. 1758. 11 sh. Russian.
28. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 14705. The case of the return of a team of Starodub Cossacks from border outposts. 1756–1757. 9 sh. Russian.
29. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 14511. The case of the prohibition of disbanding the team of Starodub Cossacks. 1756–1758. 6 sh. Russian.
30. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Inv. 3. Case 15109. The case of the replacement of Cossacks at the outposts of the Starodub regiment. 1758–1759. 7 sh. Russian.
31. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Second Malorussian Collegium. Inv. 3. Case 3459. Lists of names of Cossacks and elders of regiments of Ukraine serving in the army. 1769–1770. 431 sh. Russian.
32. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Inv. 3. Case 3421. Report-cards of personnel of regiments. 1769. 22 sh. Russian.

33. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Inv. 3. Case 5116. Report-cards of personnel of regiments. 1770. 64 sh. Russian.
34. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Inv. 3. Case 5516. On guards at the borders of the Starodub regiment. 1771. 533 sh. Russian.
35. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Inv. 3. Case 7808. Report on the Cossacks of the Starodub regiment. 1773. 14 sh. Russian.
36. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Inv. 3. Case 10755. Personal statements on the personnel of regiments. 1777. 214 sh. Russian.
37. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Inv. 3. Case 11199. Statements on the service of the Cossacks. 1770. 346 sh. Russian.
38. Fedorenka P. K., edit. *Opys Novhorodsivers'koho namisnytstva (1779–1781)* [Description of the Novgorod-Siver governorship (1779–1781)]. Kyiv : Vseukr. akad. nauk, 1931. XXI, 592 p. Ukrainian.

Статья поступила в редколлегию 15.04.2025
Received by editorial board 15.04.2025